

Документ подписан простой электронной подписью

Информация о владельце:

ФИО: Мицзаев Магомед Шавалович

Должность: Ректор

Дата подписания: 11.04.2026 13:28:31

Уникальный программный ключ:

236bcc55c296f119d6aa1dc22836b21db52dbc07971a86865af5835f0fa4704cc

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
ГРОЗНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА М.Д. МИЛЛИОНЩИКОВА**

Кафедра «Архитектура и дизайн»

Х. Я. Хаидов, Х. У. Довлетукаева

**КОНСПЕКТ ЛЕКЦИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ»**

(направления подготовки: 07.03.03 Дизайн архитектурной среды,
направленность (профиль) «Дизайн архитектурной среды» и 07.03.01
Архитектура, направленность (профиль) «Архитектурное проектирование»)

Грозный 2026

Составители:

Доцент кафедры «АРХиД» Х. Я. Хаидов

Старший преподаватель каф. «АРХиД» Х. У. Довлетукаева

Рецензент:

Член Союза архитекторов РФ, Директор ИСАиД,
зав. каф. «Архитектура и дизайн», Алиев С. А.

Данный курс лекций представляет собой комплексное историко-архитектурное исследование уникального феномена каменного зодчества народов Центрального Кавказа – вайнахской башенной культуры.

Основная цель курса – сформировать у обучающихся по направлениям подготовки: 07.03.03 Дизайн архитектурной среды, и 07.03.01 Архитектура системное понимание эволюции башенного зодчества как отражения глубинных исторических процессов.

Методические указания рассмотрены и утверждены на заседании
кафедры «Архитектура и Дизайн»:

Протокол № 5 от «27» декабря 2025 г.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Грозненский государственный нефтяной
технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Л.1. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В РАВНИННЫХ РАЙОНАХ. ЖИЛЫЕ БАШНИ (ГИАЛА)	7
1.1. Генезис и эволюция классической жилой башни	8
1.2. Конструктивные особенности и строительные технологии	9
1.3. Внутренняя организация пространства: функциональное зонирование этажей	11
1.4. Очаг как сакральный и бытовой центр жилища	13
1.5. Оборонительные элементы жилой башни	14
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	15
<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	<i>17</i>
Л.2. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ. БОЕВЫЕ БАШНИ (БИОВ)	18
2.1. Историческая ценность, периодизация и этапы эволюции	18
2.2. Фортификационная функция и организация сигнальной системы	20
2.3. Архитектурно-конструктивный анализ на примере сигнальной башни Дёре-1	21
2.4. Факторы разрушения памятников: исторический обзор	22
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	24
<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	<i>25</i>
Л.3. ПОЛУБОЕВЫЕ БАШНИ: ТИПОЛОГИЯ, ГЕНЕЗИС И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ	26
3.1. Определение типа: синтез жилой и оборонительной функций	26
3.2. Архитектурные особенности и отличия от классических форм	28
3.3. Анализ комплексов Никарой и Ца-Кале (Майста)	29
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	30
<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	<i>31</i>
Л.4. ЗАМКИ (ГИАП/ГАЛАН) И ЦИТАДЕЛИ (ГИАЛА) КАК ВЕРШИНА СОЦИАЛЬНОЙ И ФОРТИФИКАЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ	33
4.1. От отдельной башни к замковому комплексу: архитектурные принципы	34

4.2.	Социально-экономический контекст возникновения (XIV–XVI вв.)	35
4.3.	Исторический фон: последствия нашествий и внутренние миграции	36
	КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	38
	<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	39
Л.5.	БАШНИ, ВСТРОЕННЫЕ В СКАЛЬНЫЕ НИШИ: АДАПТАЦИЯ К ЛАНДШАФТУ	40
5.1.	Архитектурная типология и функциональное назначение	40
5.2.	Конструктивные решения на примере башен Ушкалой и Моцарой	42
5.3.	Дискуссия о функциях: убежище, сторожевая или сигнальная башня?	44
	КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	45
	<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	46
Л.6.	СИСТЕМА СТОРОЖЕВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, ЗАМКОВ И БАШЕН. ВЕЛИКАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА	47
6.1.	Принципы организации обороны ключевых транспортных путей и перевалов	48
6.2.	Структура и логика функционирования сигнальной системы	49
6.3.	Государственное начало как необходимое условие создания единой системы	50
	КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	52
	<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	53
Л.7.	КУЛЬТОВЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ	54
7.1.	Классификация культовых сооружений: храмы, святилища, сиелинги	55
7.2.	Эволюция и деградация архитектурных форм в позднем Средневековье	56
7.3.	Типология погребальных сооружений: подземные, полуподземные и наземные склепы	57
7.4.	Крупнейшие некрополи (Васеркел, Цой-Педе) и их значение	58
	КРАТКИЕ ВЫВОДЫ	59
	<i>Вопросы для самоконтроля и анализа:</i>	60
	ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ	61
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	64

ВВЕДЕНИЕ

Данный курс лекций представляет собой комплексное историко-архитектурное исследование уникального феномена каменного зодчества народов Центрального Кавказа – вайнахской (чеченской и ингушской) башенной культуры. Курс охватывает период её зарождения, расцвета в эпоху позднего средневековья (XIV–XVIII вв.) и последующей трансформации, рассматривая архитектурные памятники не как изолированные объекты, а как неотъемлемую часть социальной организации, мировоззрения и стратегии выживания горских обществ.

Основная цель курса – сформировать у обучающихся по направлениям подготовки: 07.03.03 Дизайн архитектурной среды, и 07.03.01 Архитектура системное понимание эволюции башенного зодчества как отражения глубинных исторических процессов: адаптации к различным ландшафтным условиям (равнины, предгорья, высокогорье), изменений в социальной структуре (от родовой общины к раннефеодальным отношениям) и ответов на внешние военно-политические вызовы. В ходе лекций последовательно анализируются все ключевые типы сооружений: от универсальной жилой башни-крепости (Глала) и специализированной боевой башни (Бюв) до сложных замковых комплексов (Глап) и масштабных некрополей. Особое внимание уделяется принципам строительной технологии, функциональному зонированию пространства, сакральной символике (на примере культа очага) и выдающимся оборонительным решениям.

Отличительной особенностью курса является акцент на рассмотрении башенной архитектуры в качестве элемента целостной инфраструктуры. В рамках заключительных лекций детально разбирается организация «Великой сигнальной системы» и эшелонированной обороны ключевых транспортных путей, что позволяет сделать вывод о высоком уровне координации и протогосударственных началах в организации вайнахских обществ.

Курс основан на классических и современных научных трудах по археологии, этнографии и истории архитектуры Кавказа. Он адресован студентам гуманитарных и архитектурных специальностей, историкам, культурологам, краеведам и всем, кто интересуется материальным наследием и историей народов Северного Кавказа. Лекционный материал способствует развитию навыков анализа архитектурной формы в её историко-культурном контексте и пониманию взаимосвязи между средой, обществом и создаваемым им материальным миром.

Лекция 1. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В РАВНИННЫХ РАЙОНАХ. ЖИЛЫЕ БАШНИ (ГІАЛА)

Рассмотрение жилой башни (гІала) как феномена кавказской, в частности, вайнахской (чеченской и ингушской) архитектуры, невозможно без понимания общих условий и факторов, сформировавших уникальный облик поселений в предгорных и равнинных районах. Возникновение и развитие башенной культуры было детерминировано сложным переплетением природно-географических, социально-экономических и историко-политических обстоятельств. Если в высокогорье башня была прежде всего ответом на дефицит площадей и суровый климат, выполняя функцию компактного, легко обороняемого жилища-крепости, то на равнине её появление и эволюция имели свою специфику. Равнинные районы, более плодородные и пригодные для земледелия, издавна привлекали людей. Однако именно открытость этих территорий, отсутствие естественных рубежей обороны и постоянная угроза военных набегов, особенно в эпоху позднего средневековья, сформировали запрос на такой тип жилища, которое сочетало бы в себе функции дома и крепости. Поселения (гІаланаш) на равнине часто возникали как родственные клановые хутора, постепенно разраставшиеся. Каждая семья, каждый род в рамках такого поселения стремились обезопасить себя, что привело к массовому строительству отдельных жилых башен, которые, в отличие от чисто боевых башен в горах, были универсальными структурами. Таким образом, классическая жилая башня (гІала) на равнине — это результат адаптации горского строительного гения к новым условиям: это дом-крепость, хозяйственный комплекс и сакральное пространство, воплощённое в камне. Её изучение позволяет понять не только эволюцию строительных технологий, но и глубинную организацию быта, социальных отношений и мировоззрения народов Кавказа.

1.1. Генезис и эволюция классической жилой башни

Истоки башенной архитектуры Кавказа уходят в глубокую древность, в эпоху ранней бронзы и кобанской культуры, для которой были характерны каменные постройки. Однако классическая форма жилой башни сформировалась значительно позже, в период позднего средневековья (XIV–XVIII века), что было связано с комплексом причин. Во-первых, это завершение длительного процесса перехода от общинно-родового строя к феодальным отношениям и укреплению института кровного родства – тейпа. Семья и тейп стали центральными социальными единицами, требовавшими защиты своей автономии и имущества. Во-вторых, это обострение внешнеполитической обстановки: постоянные набеги, междоусобные столкновения, необходимость защиты от крупных феодальных армий. В-третьих, развитие строительных технологий, накопление опыта работы с камнем.

Генезис Гала можно проследить от более примитивных и древних форм жилища. Предшественниками башни, вероятно, были одно- или двухкамерные наземные каменные дома с плоской крышей, а также полуподземные или пещерные жилища. Под влиянием необходимости обороны эти строения начинают расти вверх. Первоначально это могли быть двухэтажные постройки, где первый этаж отводился под скот, а второй был жилым. Однако с ростом угрозы и совершенствованием осадной техники высота увеличивалась, планировка усложнялась, появлялись ярко выраженные оборонительные элементы. Эволюция шла по пути функциональной и пространственной дифференциации.

Равнинная жилая башня, будучи наследницей горной, приобрела ряд отличительных черт. В горах башня часто встраивалась в сложный рельеф, была частью единого оборонительного комплекса с боевыми башнями (воу). На равнине же Гала чаще стояла обособленно или в группе родственных башен,

образуя укрепленный хутор. Ее конструкция, будучи в целом схожей с горной, часто была более массивной, с учетом отсутствия естественного фундамента в виде скалы. Кроме того, на равнине башня теснее интегрировалась с хозяйственными пристройками (хлевами, кладовыми, мастерскими), которые со временем могли примыкать к ней, образуя замкнутый двор. Таким образом, эволюция классической гала – это путь от простого укрытия к сложному, многофункциональному архитектурному организму, отражающему иерархию семьи, потребности хозяйства и постоянную готовность к обороне. Апогеем развития можно считать трёх- и четырёхэтажные башни XVI–XVIII веков с четким зонированием, развитой системой бойниц, машикулями и сложной кровлей.

1.2. Конструктивные особенности и строительные технологии

Строительство жилой башни было событием общеродового значения, к которому готовились годами. Выбор места, заготовка материала, сам процесс возведения были обставлены ритуалами и поверьями. Конструкция гала – это образец рациональности, прочности и эстетической выразительности, достигнутых с помощью ограниченного набора средств.

Фундамент и материал. В равнинных условиях особое внимание уделялось фундаменту. Его глубина могла достигать 1.5–2 метров. Рылся котлован, который заполнялся крупным речным булыжником или рваным камнем на прочном известковом растворе. Стены возводились методом двухрядной кладки: внешняя и внутренняя верста из тщательно подобранных, часто обработанных камней, а пространство между ними забутовывалось более мелким камнем и щебнем на растворе. Такой «сэндвич» обеспечивал монолитность, прочность и хорошую теплоизоляцию. Для равнинных башен характерно использование более крупного, чем в горах, речного камня или грубо отёсанного известняка. Углы и ответственные элементы (дверные и

оконные проёмы) часто выполнялись из более твёрдых пород (песчаник) и подгонялись с особой тщательностью.

Форма и стены. Классическая жилая башня в плане – квадратная или прямоугольная (реже встречаются круглые или многогранные формы). Соотношение сторон обычно близко к квадрату. Сужение кверху (пологий пирамидальный или ступенчатый силуэт) – важнейшая конструктивная и оборонная черта. Оно достигалось за счёт незначительного наклона внутрь внешних плоскостей стены и уменьшения толщины стен с каждым этажом. Это повышало устойчивость, снижало нагрузку на нижние ярусы и затрудняло штурм, так как на верхнюю часть башни могла стекать вода, а сброшенный сверху камень ricochetил от наклонной стены. Толщина стен в основании могла достигать 1–1.5 метра, на верхних этажах – 0.7–0.8 метра.

Перекрытия и кровля. Межэтажные перекрытия были деревянными. На несущие балки (масы), концы которых заделывались в специальные гнёзда в стенах, укладывался настил из жердей или плах, сверху – слой хвороста или камыша и утрамбованная глина, выполнявшая роль пола и теплоизолятора. Крыша чаще всего была плоской (хотя в более поздний период под влиянием соседей появляются и двускатные). Она представляла собой сложный «пирог» из балок, наката, слоя глины и гравия для гидроизоляции. По краю крыши возводился невысокий парапет. Важным элементом была центральная опорная колонна (эрдогла/хъера), проходящая сквозь все жилые этажи от фундамента до крыши. Она не только поддерживала балки перекрытий, но и играла сакральную роль, символизируя мировой столп, ось семейного мира.

Строительный процесс. Возведение башни было коллективным трудом. Приглашался опытный мастер (тов), руководивший всеми работами. Процесс мог занимать несколько лет, так как после возведения каждого яруса делали перерыв на усадку. Качество работы было предметом гордости и гарантией безопасности, поэтому строители подходили к делу с исключительной

ответственностью. Отделка была минимальной, но тщательной: подгонка камней, оформление арочных перемычек над бойницами, иногда – резьба по камню в виде солярных знаков, крестов, геометрических орнаментов на замковых камнях или вокруг дверного проёма.

1.3. Внутренняя организация пространства: функциональное зонирование этажей

Внутренняя планировка гала подчинена строгой вертикальной иерархии, отражающей уклад жизни, социальную структуру семьи и необходимость обороны. Каждый этаж имел чётко закреплённую функцию.

Первый этаж (лагIар/ловгар). Полностью глухой, без окон. Попастъ в него можно было только через люк в перекрытии со второго этажа по приставной лестнице, которая убиралась в случае опасности. Это было хозяйственное помещение, «каменный мешок». Здесь содержался в зимнее время скот (что обеспечивало обогрев верхних этажей), хранились запасы продовольствия, инструменты, оружие. В углу часто располагался каменный резервуар для воды (родниковая или дождевая). Этот этаж был буфером между внешним миром и жилой зоной, а в случае осады становился последним рубежом обороны.

Второй этаж (цIийна гIа/цIийна ов). Главное жилое и сакральное пространство семьи. Попадали на него через единственный дверной проём, расположенный на высоте 3–4 метров от земли. Дверь была массивной, из дубовых досок, окованной железом. К ней вёл приставной бревенчатый трап, который также легко убирался. Центром этажа был очаг (кхерч/кур). Вдоль стен, свободных от очага, располагались спальные места, сундуки с имуществом, утварь. Здесь же, недалеко от очага, находился почетный угол для гостей и старейшин. Часто на этом этаже или в нише стены хранилась семейная реликвия – кIор (сундук с ценностями и документами). Это было тёплое,

основное помещение, где проходила вся повседневная жизнь семьи: трапезы, работы, воспитание детей, приём гостей.

Третий и четвёртый этажи (тІехъа гІа/тхов). В трёхэтажной башне третий этаж, а в четырёхэтажной – третий и четвёртый, выполняли функции летних жилых комнат, мастерских, кладовых для вещей, не нужных ежедневно. Здесь спали в тёплое время года, молодожёны могли иметь здесь отдельную комнату, женщины занимались рукоделием, ткачеством. Эти этажи были лучше освещены (имели небольшие оконные проёмы) и проветривались. В случае нападения они использовались как боевые ярусы: отсюда вёлся обстрел через бойницы. На верхний этаж также можно было подняться по приставной или встроенной в толщу стены лестнице.

Крыша (тхов/дукъ). Плоская кровля с парапетом была важным хозяйственным и оборонительным пространством. Здесь сушили урожай (кукурузу, фрукты), пряли шерсть, следили за окрестностями. В парапете также делались бойницы. Часто на крыше устанавливался лёгкий навес (ковод/кий) для создания тени. Крыша была местом отдыха и общения в тёплые вечера. Венчала кровлю иногда декоративная конусовидная или фаллическая каменная надстройка – цІу/цур, символизирующая плодородие и благополучие рода.

Таким образом, движение вверх по башне было движением от «нечистого», хозяйственного, к «чистому», сакральному (очаг), и далее – к приватному, оборонительному и созерцательному. Такая организация экономила площадь, обеспечивала микроклимат и полностью отвечала укладу жизни большой патриархальной семьи.

1.4. Очаг как сакральный и бытовой центр жилища

Очаг (кхерч/кур) в жилой башне – это не просто устройство для обогрева и приготовления пищи. Это сакральный центр дома, символ единства семьи, непрерывности рода, связующее звено между предками и потомками. Его расположение, устройство и использование были регламентированы строгими нормами и ритуалами.

Очаг располагался, как правило, в центре главного жилого этажа, прямо под отверстием в потолке (кIур/гIуран), которое служило для выхода дыма и дополнительного освещения. Иногда он смещался к стене, но всегда оставался фокусом помещения. Конструктивно это был квадратный или круглый каменный короб, вмазанный в пол, с открытой топкой. Над очагом на цепях висел треножник (айга/жеряхь) для котлов. Цепи очага, уходившие в дымоход, также считались священными. Их касались, давая клятву, новорожденного подносили к очагу, представляя его домашним духам, невесту во время свадьбы трижды обводили вокруг очага, впуская в род мужа.

Огонь в очаге старались поддерживать постоянно. Его тление символизировало жизнь самого рода. Затухание очага считалось великим несчастьем, знаком конца семьи. Разводить огонь впервые в новом доме – важный обряд, который совершал самый уважаемый член семьи или приглашённый жрец. В очаг нельзя было бросать мусор, наступать на него, через него перешагивать. Возле очага совершались все главные семейные ритуалы: свадьбы, разрешение от бремени, поминки, клятвы. У очага принимали самых дорогих гостей и вершили совет старейшин.

Очаг был также и бытовым центром. Вокруг него собиралась вся семья для трапез, здесь готовили еду, грелись, рассказывали истории, обучали детей. Тепло от очага, поднимаясь через дымоход, прогревало и верхние этажи. Таким образом, очаг физически и духовно объединял все уровни башни, являясь её

сердцем и душой. Он был алтарём домашнего культа, гарантом благополучия и точкой отсчёта в пространстве дома.

1.5. Оборонительные элементы жилой башни

Несмотря на жилое назначение, гIала была полноценным укреплением, способным выдержать длительную осаду небольшого отряда. Все её элементы, от фундамента до крыши, проектировались с учётом обороны.

Доступ и вход. Главный вход располагался на высоте, делая невозможным применение тарана. К нему вёл убирающийся трап. Дверь была массивной, окованной, часто запиралась изнутри мощным засовом, который задвигался в специальное гнездо в стене. Иногда перед дверью делался небольшой балкончик-тамбур (човхар/човхир) с люком в полу, через который на атакующих можно было лить кипяток или смолу.

Бойницы (товхаш/товхишта). Это узкие, длинные щелевидные проёмы в стенах, расширяющиеся внутрь. Такая форма позволяла лучнику или стрелку иметь широкий сектор обстрела, оставаясь практически неуязвимым снаружи. Бойницы располагались на всех этажах, кроме первого, в шахматном порядке, чтобы простреливать всё пространство у подножья башни. Они могли быть прямыми или наклонными вниз (для обстрела мёртвой зоны у самого основания). На верхних боевых ярусах бойниц было больше.

Машикули (чIагIаргаи). Каменные консольные выступы в верхней части башни, под самым парапетом крыши. В их полу были отверстия, через которые защитники, оставаясь в укрытии, могли вертикально обстреливать или забрасывать камнями врагов, штурмующих основание стен или пытающихся поджечь дверь.

Наблюдение и сигнализация. Башня была ещё и пунктом наблюдения. С крыши открывался вид на все подступы к хутору. При опасности подавали сигналы дымом или огнём, которые были видны соседним башням.

Автономность. Наличие в башне собственного источника воды (резервуара на первом этаже), запасов продовольствия и оружия позволяло выдерживать осаду в течение нескольких недель.

Таким образом, оборонительная система гАла была глубоко продуманной, многоуровневой и эффективной. Она превращала дом в неприступную для небольшого отряда крепость, где каждый элемент архитектуры работал на выживание семьи.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Жилая башня (гАла) равнинных районов Кавказа представляет собой уникальный синтез утилитарной архитектуры, фортификации и сакрального пространства. Её возникновение и расцвет были обусловлены специфическими историческими условиями позднего средневековья, требовавшими от жилища максимальной автономности и обороноспособности. Эволюция башни шла от простых форм к сложным, многоэтажным структурам с чёткой функциональной дифференциацией по вертикали. Конструктивные особенности – мощный фундамент, наклонные стены, двухрядная кладка, центральная колонна – демонстрируют высокое инженерное мастерство строителей, сумевших создать чрезвычайно прочные и устойчивые сооружения без применения сложных механизмов.

Внутренняя организация пространства гАла является прямым отражением патриархального уклада жизни, социальной иерархии большой семьи и её хозяйственных нужд. Вертикальное зонирование, от хозяйственного низа к жилому и оборонительному верху, было рациональным и символичным. Центральное место в этой системе занимал очаг, выступавший одновременно

как бытовой, социальный и сакральный стержень семейной жизни, святилище домашнего культа. Оборонительные элементы (высокий вход, бойницы, машикули) были не просто добавлены, а органично вплетены в архитектуру, делая башню компактной крепостью.

Таким образом, Гала – это не просто дом, а целый мир в миниатюре, каменная летопись образа жизни, мировоззрения и негнбемого духа народа. Она воплощает идеи семейной чести, единства, готовности к защите своего очага и является выдающимся памятником материальной культуры народов Кавказа.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. *Какие основные природно-географические и социально-исторические факторы обусловили появление и распространение жилых башен (гIала) именно в равнинных районах? В чём их отличие от причин строительства башен в высокогорье?*

2. *Охарактеризуйте основные конструктивные принципы строительства гIала. Почему двухрядная кладка, наклон стен и центральная колонна считались столь важными для устойчивости и долговечности сооружения?*

3. *Проанализируйте систему функционального зонирования этажей классической жилой башни. Как эта система соотносилась с социальной структурой большой патриархальной семьи и её хозяйственными потребностями?*

4. *Опишите оборонительную систему гIала как комплекс взаимосвязанных элементов. Как архитектурные особенности (расположение входа, форма бойниц, машикули) повышали обороноспособность жилища в условиях отсутствия естественных рубежей на равнине?*

5. *Сравните жилую башню (гIала) и боевую башню (воу). В чём заключаются их принципиальные функциональные и архитектурные различия, несмотря на внешнее сходство?*

6. *Как, по вашему мнению, отразился переход к более мирной жизни и новым хозяйственным отношениям в XIX–XX веках на судьбе башенного жилища? Почему традиция строительства гIала постепенно сошла на нет?*

Лекция 2. ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ. БОЕВЫЕ БАШНИ (БЮВ)

Если в равнинных районах архитектурным доминантой была универсальная жилая башня (Гала), сочетавшая в себе функции жилища и крепости, то в суровых и труднодоступных высокогорных районах Центрального Кавказа сформировался и достиг невероятного совершенства иной тип сооружения — чисто военная, боевая башня (вов/бЮв у ингушей, воу у чеченцев). Возникновение поселений в горах диктовалось прежде всего факторами безопасности и особенностями природно-ресурсной базы. Скудные земельные участки, пригодные для террасного земледелия и отгонного скотоводства, цеплялись за крутые склоны, а сами поселения (тейповые аулы) представляли собой плотную, каскадную группировку жилых построек вокруг родовой боевой башни или целого оборонительного комплекса. В таких условиях боевая башня была не просто укреплением, а символом свободы, воинской доблести и независимости рода. Она визуальное и функционально господствовала над ущельем, контролируя пути сообщения и являясь последним убежищем для общины. Её строгий, устремлённый в небо силуэт стал неотъемлемой частью культурного ландшафта Ингушетии, Чечни, Северной Осетии. Боевая башня — это вершина фортификационного и архитектурного гения вайнахских народов, воплощение абсолютного приоритета обороноспособности в условиях перманентной внешней угрозы и сложнейшего рельефа. Её изучение позволяет понять не только военную историю региона, но и высочайший уровень инженерной мысли, сумевшей вписать в экстремальную среду столь совершенные и лаконичные формы.

2.1. Историческая ценность, периодизация и этапы эволюции

Боевые башни Кавказа представляют собой историческую ценность мирового уровня, являясь уникальными памятниками средневекового оборонного зодчества. Их ценность многогранна: это и материальное

свидетельство сложной социальной организации (тейповой и военно-демократической), и отражение высокоразвитой строительной культуры, и немой свидетель многовековой борьбы за выживание и независимость, и, наконец, мощный этноформирующий символ, до сих пор определяющий культурную идентичность народов. Периодизация строительства боевых башен является предметом научных дискуссий, однако основные этапы можно выделить достаточно чётко, опираясь на архитектурные особенности, косвенные исторические данные и редкие эпиграфические источники (строительные надписи).

Ранний этап (XII–XIV вв.) характеризуется становлением классической формы. Башни этого периода часто имеют более широкое основание, относительно небольшое сужение кверху, простые, лишённые украшений каменные карнизы. Они, как правило, менее высоки (15–18 м) и могут сочетать в себе ещё черты жилого строения (наличие камина-очага на верхних этажах). Часто это были башни-ганахи, где первый этаж отводился под скот, а верхние использовались для обороны.

Классический, или «золотой», этап (XV–начало XVII вв.) — время расцвета и стандартизации типа. Именно к этому периоду относится подавляющее большинство сохранившихся шедевров. Башни достигают максимальной высоты (20–25 м, а иногда и до 30 м) при минимальной площади основания (порой 5х5 м). Конструкция становится невероятно стройной, элегантной и динамичной за счёт сильного пирамидального сужения. Появляются и становятся каноническими сложные каменные карнизы с консолями, ложными арками и другими декоративными элементами. Совершенствуется система бойниц, включая машикули. Именно в этот период боевая башня окончательно отделяется от жилой, становясь специализированным военным сооружением.

Поздний этап (XVII–XVIII вв.) совпадает с периодом острейших внешних и внутренних конфликтов (экспансия феодальных владений, походы персидских и турецких войск, набеги). Башни этого времени могут быть более грубыми по исполнению, иногда их строят в большой спешке. Однако фортификационные решения достигают максимума изощрённости: появляются башни с двойными стенами, сложными лабиринтами входов, дополнительными ярусами. После присоединения Кавказа к России и установления относительно мирной жизни, необходимость в строительстве таких башен отпала, и традиция угасла. Таким образом, эволюция башен — это путь от простых укреплённых укрытий к идеализированному, каноническому образу неприступной цитадели, а затем — к сугубо утилитарным, сверхзащищённым крепостям эпохи заката башенной культуры.

2.2. Фортификационная функция и организация сигнальной системы

Главное предназначение боевой башни — оборона. Но её фортификационная функция выходила далеко за рамки пассивного укрытия. Она была активным элементом глубоко эшелонированной системы обороны всего общества. Во-первых, башня контролировала стратегически важные точки: входы в ущелья, перевалы, горные тропы, мосты, источники воды. Часто они строились на совершенно неприступных скальных выступах, куда можно было попасть только по подвесному или убирающемуся мостику. Во-вторых, башня служила последним убежищем для всего населения тейпового аула в случае внезапного нападения. В мирное время она могла пустовать или использоваться как склад оружия и запасов. В-третьих, и это крайне важно, боевые башни были узлами разветвлённой и высокоэффективной оптической сигнальной системы.

Сигнальная система, связывавшая башни в единую сеть, была гениальным изобретением, компенсировавшим отсутствие быстрых средств связи. Принцип был прост и надёжен: каждая башня находилась в прямой

видимости как минимум двух других — вверх и вниз по ущелью или на соседний хребет. На самой вершине башни, на крыше, постоянно дежурил дозорный. При появлении опасности (вражеский отряд, пожар, другая угроза) подавался сигнал. Сигналы могли быть разными: дымовой (столб густого дыма от заранее приготовленной смеси сырых веток и травы), огневой (костёр ночью), а также зеркальный (отблеск от отполированного медного щита или зеркала в солнечный день). Характер опасности мог кодироваться количеством сигналов: один костёр — приближение небольшого отряда, два — крупные силы, три — чрезвычайная опасность, требующая общей мобилизации. Эта система позволяла в течение считанных часов передать информацию на десятки и сотни километров, от высокогорья до предгорий, обеспечивая своевременное приведение в боевую готовность всех окрестных аулов и организацию совместного отпора. Таким образом, отдельно стоящая башня была не изолированным форпостом, а частью живого, реагирующего организма общинной обороны.

2.3. Архитектурно-конструктивный анализ на примере сигнальной башни Дёре-1

Одним из наиболее ярких и хорошо изученных примеров классической боевой башни является сигнальная башня Дёре-1 (Джейрахско-Ассинский музей-заповедник, Ингушетия). Её анализ позволяет наглядно продемонстрировать все ключевые принципы строительства башен. Башня расположена на отроге горы, в чрезвычайно труднодоступном месте, господствуя над входом в одно из ущелий. Она имеет классическую квадратную форму в плане (примерно 5,2х5,2 м у основания) и достигает высоты около 20 метров. Конструкция демонстрирует феноменальную точность расчётов.

Стены сложены методом двухрядной кладки из тщательно отёсанного местного камня на известковом растворе. Наклон стен внутрь (завал) выражен очень сильно, что придаёт башне характерный «парящий» силуэт и обеспечивает устойчивость.

Башня делится на 5-6 ярусов. Вход, как и положено, расположен на высоте 8-10 метров на северной или восточной (менее освещённой) стене, куда вела приставная лестница. Первый этаж — глухой, без света, часто использовался как хранилище или даже как подземная тюрьма для пленных. Попасты в него можно было только через люк сверху. Второй и последующие этажи были боевыми. На каждом из них — по несколько бойниц, ориентированных в разные стороны. Бойницы узкие, длинные, с расширением внутрь. Особое внимание уделено машикулям — каменным балконам-консолям в верхней части башни. У Дёре-1 они хорошо сохранились и имеют характерные отверстия-проёмы в полу для вертикального обстрела.

Крыша башни плоская, с высоким парапетом. Здесь находилась смотровая площадка, где и дежурил дозорный. Карниз, венчающий башню, выполнен в виде сложного ступенчатого ряда каменных консолей, образующих навес над стенами. Этот элемент не только декоративен, но и функционален: он защищал верхнюю часть стен от стекающей с крыши дождевой воды и усложнял штурм. Башня Дёре-1 идеально вписана в ландшафт, служит его органичным продолжением и демонстрирует безупречное чувство пропорций и масштаба, свойственное безвестным мастерам-«тов». Её строгий, аскетичный облик, лишённый каких-либо излишеств, является олицетворением суровой эпохи и её воинственных идеалов.

2.4. Факторы разрушения памятников: исторический обзор

Печальная реальность такова, что от тысяч боевых башен, некогда усеивавших кавказские хребты, до наших дней сохранились лишь сотни, и

многие из них находятся в аварийном или руинированном состоянии. Разрушение этих памятников — процесс длительный и многофакторный.

Естественные (природные) факторы всегда играли ключевую роль. Суровый высокогорный климат с резкими перепадами температур, обильными осадками, снеговыми нагрузками, сильными ветрами и частыми землетрясениями постоянно испытывал конструкции на прочность. Многократное замерзание и оттаивание влаги в порах камня и раствора приводит к его эрозии и растрескиванию. Землетрясения, характерные для региона, наносили особенно катастрофический ущерб, вызывая обрушения и трещины.

Антропогенные факторы имеют как исторический, так и современный аспект. Исторически наиболее разрушительными были военные действия. Многие башни были намеренно разрушены или сильно повреждены в ходе карательных экспедиций царской армии в период Кавказской войны (особенно в XIX веке), когда их уничтожение было элементом подавления сопротивления горцев. В советский период, особенно в 1930-40-е годы, башни часто разбирали на строительные материалы для колхозных построек, дорог и т.д. Идеологическая борьба с «пережитками прошлого» также не способствовала их сохранению. Депортация вайнахских народов в 1944 году привела к забвению и запустению целых горных районов, что ускорило процесс разрушения.

Современные антропогенные угрозы носят иной характер. Это, во-первых, безответственный туризм: вандализм (надписи на стенах), разведение костров внутри башен, ведущее к растрескиванию камня, попытки незаконного «коллекционирования» камней с резьбой. Во-вторых, это ведение хозяйственной деятельности без учёта охранных зон (строительство дорог, ЛЭП, выпас скота). В-третьих, это проблема неквалифицированной или излишне агрессивной реставрации, когда подлинная историческая субстанция заменяется новоделом, и памятник теряет свою аутентичность и научную

ценность. Сохранение уцелевших башен сегодня — это комплексная задача, требующая не только инженерных и реставрационных решений, но и воспитания бережного отношения к наследию как у местного населения, так и у туристов.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Боевые башни (башни) горной зоны Кавказа представляют собой абсолютный и уникальный в мировой практике образец специализированной оборонительной архитектуры, доведённой до уровня высокого искусства. Их возникновение и расцвет были прямым следствием экстремальных условий высокогорья и перманентной военной угрозы, сформировавшей общество, где воинская культура и коллективная оборона стали основой выживания. Эволюция башен от ранних комбинированных форм к классическим стройным «небоскрёбам» средневековья демонстрирует путь к идеальной, канонической форме, в которой эстетика полностью подчинена и вытекает из утилитарной функции. Ключевой особенностью этих сооружений была их интеграция в единую систему обороны и сигнализации, превращавшую разрозненные тейповые аулы в единый организм, способный оперативно реагировать на опасность. Архитектурно-конструктивный анализ любой классической башни, такой как Дёре-1, раскрывает гениальную простоту и расчётливость: минимальная площадь основания, мощный завал стен, высотность, продуманная система бойниц и машикулей — всё работало на максимальную устойчивость и эффективность обороны при минимальных ресурсах. Трагическая история разрушения этих памятников, происходившая под воздействием как сил природы, так и человеческого безразличия и вражды, лишь подчёркивает их хрупкость и непреходящую ценность. Сегодня боевые башни — это не просто руины прошлого; это вечные символы стойкости, инженерного гения и негиблого духа народов Кавказа, требующие самого бережного отношения и сохранения для будущих поколений.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. Чем были обусловлены принципиальные различия в архитектурном облике и функции поселений в горных и равнинных районах? Почему в горах произошло чёткое разделение на жилые (гIала) и боевые (бIов) башни?

2. Опишите основные этапы эволюции боевой башни от ранних форм к классическим. Какие внешние и внутренние факторы влияли на изменения её архитектуры и конструкции?

3. Проанализируйте боевую башню как элемент сложной фортификационной системы. Каковы были её тактические функции на местности и как была организована взаимодействие между башнями в масштабе региона?

4. В чём заключалась эффективность и надёжность сигнальной системы, основанной на сети боевых башен? Как эта система компенсировала географическую разобщённость горных обществ?

5. На примере башни Дёре-1 или любого другого известного памятника проведите детальный архитектурно-конструктивный анализ. Какие элементы конструкции обеспечивали её устойчивость, обороноспособность и возможность длительной осады?

6. Составьте исторический обзор основных факторов разрушения боевых башен. Какие из них носят объективный (природный) характер, а какие связаны с деятельностью человека в разные исторические периоды?

7. Какие меры, по вашему мнению, являются наиболее эффективными для сохранения и консервации уцелевших боевых башен в современных условиях? Как совместить их охрану с развитием туризма?

8. Сравните символическое значение жилой башни (гIала) и боевой башни (бIов) в культуре вайнахских народов. Что каждая из них олицетворяла в системе социальных и духовных ценностей?

Лекция 3. ПОЛУБОЕВЫЕ БАШНИ: ТИПОЛОГИЯ, ГЕНЕЗИС И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

Между двумя полюсами кавказской башенной архитектуры – сугубо утилитарной жилой башней-крепостью (Гала) и суровым, специализированным военным сооружением (бЮв) – существует обширный и неоднородный класс построек, занимающий промежуточное положение. Эти сооружения принято называть полубоевыми башнями. Их изучение представляется особенно важным и интересным, так как они наглядно демонстрируют процесс эволюции, адаптации и региональной вариативности башенного зодчества. Полубоевая башня не является простым гибридом; это самостоятельный архитектурный тип, возникший в ответ на конкретные историко-культурные и географические условия. Если классическая боевая башня – это символ эпохи постоянной военной тревоги и коллективной обороны рода, то полубоевая отражает более сложные социальные реалии: укрепление отдельных богатых или знатных семей, развитие феодальных отношений, потребность в репрезентативном, но при этом безопасном жилище в условиях менее острой, но всё ещё существующей угрозы. Часто они маркируют границы расселения определённых обществ или возникали на ключевых торговых и транспортных путях. Анализ этого типа позволяет отказаться от жёсткой дихотомии «жилое vs. боевое» и увидеть в башенной культуре гибкую, развивающуюся систему, чутко реагирующую на изменения внешней среды и внутренней структуры общества. Рассмотрение конкретных комплексов, таких как Никарой в Чечне и Ца-Кале в Майсте (Грузия), даёт возможность проследить, как общие принципы воплощались в разных регионах с присущими им особенностями.

3.1. Определение типа: синтез жилой и оборонительной функций

Полубоевая башня определяется прежде всего через функциональный синтез. Это сооружение, в котором жилые и оборонительные функции слиты воедино, но ни одна из них не доминирует в ущерб другой в той степени, как в

специализированных постройках. В отличие от боевой башни, предназначенной исключительно для временного укрытия гарнизона и активной обороны, полубоевая была приспособлена для постоянного или длительного проживания семьи или небольшой родственной группы. В отличие от жилой башни (гГала), где оборонные элементы (высокий вход, бойницы) были важны, но всё же подчинены бытовому укладу, в полубоевой башне оборона выходит на первый план в планировке и конструктивных решениях, определяя её архитектурный облик. Ключевыми критериями для отнесения башни к данному типу являются:

1) *Наличие развитой системы бойниц и машикулей*, сравнимой с боевыми башнями.

2) *Сохранение внутренних признаков жилого помещения*: наличие очага или камина на верхних (жилых) этажах, часто более развитая внутренняя планировка, наличие ниш в стенах, иногда – следы штукатурки.

3) *«Переходный» характер входа*: он может располагаться на высоте, как у боевой башни, но иногда снабжён более сложным тамбуром или даже наземным входом, защищённым дополнительными стенами.

4) *Частое вхождение в состав сложного замкового комплекса*, где башня связана стенами с другими жилыми и хозяйственными постройками, образуя небольшой укреплённый замок (галуа). Генезис этого типа можно объяснить несколькими путями. Во-первых, это эволюция жилой башни в условиях повышенной опасности, когда её постепенно усиливали оборонительными элементами, пока она не приобретала черты крепости. Во-вторых, это, наоборот, «одомашнивание» боевой башни в более спокойные периоды или в глухих районах, где не было возможности строить отдельное жильё. В-третьих, и это наиболее вероятно, полубоевые башни изначально проектировались как многофункциональные сооружения для знати или зажиточных семей, желавших подчеркнуть свой статус и безопасность. Таким

образом, этот тип фиксирует момент, когда частный, семейный интерес к безопасности начинает оформляться в камне столь же основательно, как и коллективный, родовой.

3.2. Архитектурные особенности и отличия от классических форм

Архитектура полубоевых башен представляет собой компромисс, что и рождает её узнаваемые, но часто менее каноничные, чем у чисто боевых, формы. В плане они, как правило, прямоугольные или квадратные, но соотношение сторон может быть более вытянутым, чем у стройных «свеч» боевых башен. Высота обычно меньше, чем у классических башен, и редко превышает 15-18 метров. Завал стен (супраструкция) присутствует, но он может быть менее выраженным, что придаёт постройке более «приземлённый», монументальный вид. Материал и кладка аналогичны другим типам башен – двухрядная кладка на известковом растворе, но качество обработки камня иногда уступает парадным боевым башням «золотого века», что может говорить об утилитарном подходе.

Главные отличия проявляются в деталях. Кровля часто бывает не плоской, а двускатной, с покрытием из шифера или каменных плит. Это явное заимствование из жилой архитектуры, связанное с необходимостью лучше защищать постоянное жилое пространство от осадков. Оконные проёмы, помимо узких бойниц, могут быть более широкими, особенно на верхних, жилых этажах. Иногда они имеют арочное завершение. Внутренняя планировка демонстрирует чёткое разделение: нижние этажи (часто один, реже два) – глухие, складские, с возможностью использования для обороны; средние этажи – жилые, с камином, нишами, иногда даже с деревянными перегородками; верхний этаж – боевой, с развитой системой бойниц и машикулями. Наличие камина – ключевой маркер. В классической боевой башне очаг отсутствует (иногда был очаг для сигнальных костров на крыше), в жилой – центральный открытый очаг (кхерч). В полубоевой же мы видим

обычно пристенный камин с дымоходом, выходящим наружу через толщу стены. Это более совершенное, но и более уязвимое с оборонительной точки зрения решение, указывающее на приоритет бытового комфорта. Декоративные элементы могут быть более разнообразными: кроме классических ступенчатых карнизов-консолей, встречаются резные каменные кресты, солярные знаки, геометрическая плетёнка, что сближает их с культовой и мемориальной архитектурой. В целом, полубоевая башня выглядит как более массивная, основательная и «жилая» версия боевой, лишённая её аскетичной строгости, но и не достигающая интимности жилой гАла.

3.3. Анализ комплексов Никарой и Ца-Кале (Майста)

Сравнительный анализ конкретных комплексов позволяет увидеть региональную специфику и вариативность типа.

Комплекс Никарой (Никоро, Чечня, ущелье реки Аргун) – это классический пример горного феодального замка (галуа) с доминирующей полубоевой башней. Комплекс расположен на скальном отроге и включает в себя главную башню, примыкающие к ней жилые и хозяйственные постройки, обнесённые крепостной стеной с воротами. Сама башня имеет прямоугольное основание, пять этажей и выразительный силуэт с сильным завалом стен. Её архитектура демонстрирует идеальный баланс функций. Нижние этажи – глухие, оборонительные. На верхних этажах сохранились следы каминов, указывающие на жилое назначение. Бойницы расположены по всем этажам, причём на самом верху устроены классические машикули. Кровля, судя по остаткам, была двускатной. Особенностью Никороя является его масштаб и явная доминантная роль в окружающем ландшафте. Это не просто семейное укрытие, а резиденция местного феодала (эла), центр контроля над округой. Башня здесь – символ власти и военной силы, но при этом и жилище знатного рода. Комплекс отражает социальную стратификацию чеченского общества

позднего средневековья, когда наряду с тейповым равенством начали формироваться центры силы отдельных семей.

Комплекс Ца-Кале (Ца-Кале, «Крепость-селение», Майста, восточная Грузия/пограничный чеченский регион) представляет собой иной вариант. Майста исторически была областью, где проживали вайнахские общества, тесно контактировавшие с Грузией. Комплекс Ца-Кале – это скорее укрепленное поселение, где полубоевые башни являются частью общей оборонительной линии. Башни здесь, как правило, менее высоки и более интегрированы в жилую застройку. Их архитектура несёт заметное грузинское влияние, что проявляется в деталях обработки камня, формах некоторых оконных проёмов, характере кровель. В то же время, планировочная схема остаётся узнаваемо вайнахской: вертикальное зонирование, бойницы, завал стен. Полубоевые башни Майсты часто служили не столько резиденцией, сколько общинными укреплениями для нескольких семей, живших в примыкающих домах. Они маркировали границы обитаемого пространства в этом суровом высокогорном районе. Ца-Кале демонстрирует, как базовый тип адаптируется в условиях культурного пограничья, впитывая иноэтничные влияния, но сохраняя свою функциональную сущность. Сравнивая Никарой и Ца-Кале, мы видим, как одна и та же архитектурная идея – укрепленного жилища – получает разное воплощение: в первом случае это акцент на статусе и индивидуальной власти, во втором – на коллективной обороне и адаптации в межкультурной среде.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Полубоевые башни являются важнейшим связующим звеном в эволюции кавказского башенного зодчества, снимая жёсткую оппозицию между жилой и боевой функциями. Их возникновение отражает усложнение социальной структуры горских обществ (появление знати, укрепление отдельных семей) и вариативность военно-политической обстановки в разных районах.

Архитектурно они представляют собой синтетический тип, сочетающий развитую фортификацию (бойницы, машикули, высотность) с явными признаками постоянного жилья (камины, более удобная планировка, двускатные крыши). Этот синтез делает их менее каноничными, но более адаптивными и разнообразными по форме. Анализ региональных комплексов, таких как феодальный замок Никарой в Чечне и пограничное укрепленное поселение Ца-Кале в Майсте, показывает высокую пластичность типа. В одном случае он служил воплощением индивидуальной власти и статуса, в другом – инструментом коллективной выживаемости в условиях культурных контактов и суровой природы. Изучение полубоевых башен позволяет более объемно и детально реконструировать исторический ландшафт Кавказа, где кроме тейповых аулов с их родовыми бЮв и хуторов с гАла существовали и укрепленные усадьбы знати, и пограничные форпосты, и сложные многофункциональные комплексы. Они напоминают нам, что башенная культура – это не набор застывших догм, а живая, развивающаяся традиция, гибко отвечавшая на вызовы времени и места.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. *Дайте развёрнутое определение полубоевой башни как архитектурного типа. Какие ключевые функциональные и конструктивные признаки позволяют отличить её от классической жилой (гАла) и боевой (бЮв) башен?*

2. *Проанализируйте возможные пути генезиса полубоевых башен. Какие социально-экономические и военно-политические изменения в жизни горских обществ могли стимулировать появление этого промежуточного типа?*

3. *Опишите основные архитектурные особенности полубоевых башен. Как в их облике и конструкции проявляется компромисс между требованиями обороны и комфортабельного постоянного проживания?*

4. Почему наличие камина, а не открытого очага, является важным диагностическим признаком полубоевой башни? О чём свидетельствует этот конструктивный элемент с точки зрения быта и оборонительной логики?

5. Проведите сравнительный анализ комплексов Никарой и Ца-Кале (Майста). Что общего в их функциональном назначении и архитектуре, а в чём заключаются принципиальные различия, обусловленные региональным и социальным контекстом?

6. Как изучение полубоевых башен помогает скорректировать упрощённое представление о кавказском средневековом обществе как исключительно «тейпово-эгалитарном»? Какие социальные процессы они отражают?

7. Рассмотрите феномен полубоевой башни в контексте культурного взаимодействия. На примере Майсты проанализируйте, как иноэтнические влияния могли сказываться на архитектурном облике этого типа построек.

8. Какое место занимают полубоевые башни в современной историко-культурной топографии Кавказа? Почему их сохранение и изучение представляют особую ценность для понимания регионального разнообразия башенной традиции?

Лекция 4. ЗАМКИ (ГІАП/ГАЛАН) И ЦИТАДЕЛИ (ГІАЛА) КАК ВЕРШИНА СОЦИАЛЬНОЙ И ФОРТИФИКАЦИОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Вершиной эволюции вайнахского башенного зодчества, синтезом всех накопленных знаний, технологий и социальных амбиций стали не отдельные башни, какими бы совершенными они ни были, а масштабные замковые комплексы и цитадели. Эти сооружения знаменовали переход от обороны отдельного дома или небольшого родового поселения к обороне и управлению целой территорией, от стратегии пассивного укрытия к активному контролю над пространством. Если боевая башня (бІов) была символом воинской доблести и равенства рода, то замок (гІап, галан) и цитадель (крупное укреплённое поселение, также часто именуемое гІала в широком смысле) становились символами власти, социальной стратификации и политической консолидации. Их появление стало возможным и необходимым на определённом этапе исторического развития – в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.), когда на смену родовой военной демократии постепенно приходили элементы феодальных отношений, формировались локальные центры силы, обострялась борьба за ресурсы и пути, а последствия масштабных нашествий заставляли искать новые, более эффективные формы коллективной безопасности. Архитектура замка – это уже не просто фортификация, а сложный урбанистический организм, воплощающий иерархию, разделение труда и стремление к долговременному господству над окружающим ландшафтом. Изучение этих комплексов позволяет выйти за рамки чисто архитектурного анализа и увидеть в камне отражение глубоких социальных трансформаций, которые переживали народы Центрального Кавказа на пороге Нового времени.

4.1. От отдельной башни к замковому комплексу: архитектурные принципы

Замковый комплекс не являлся простой суммой отдельных башен. Его создание требовало принципиально иного, комплексного подхода к планировке, отвечавшего новой тактике обороны и более сложной внутренней организации. Архитектурные принципы строительства гӀап/галан формировались как развитие и усложнение принципов, заложенных в башенной архитектуре, но с добавлением нового – планировочного масштаба. Первым и ключевым принципом был *принцип доминирования и адаптации к рельефу*. Замок всегда занимал господствующую высоту – скальный мыс, крутой холм, слияние рек, откуда открывался максимальный обзор и контроль над ключевыми путями. Его планировка не навязывалась местности, а как бы вырастала из неё, используя естественные укрепления (обрывы, скалы) в качестве неприступных участков стены. Вторым принципом была *иерархическая композиция*. Ядром комплекса почти всегда служила главная, чаще всего полубоевая или мощная боевая башня (донжон), являвшаяся последним рубежом обороны и резиденцией владельца. Вокруг неё по периметру, пристраиваясь к крепостным стенам, группировались прочие постройки: жилые башни (гӀала) родственников или вассалов, хозяйственные помещения (хлевы, кладовые), общие залы (гӀолга/гӀорка), цистерны для воды. Третий принцип – *эшелонированная оборона*. Оборонительная система становилась многоуровневой. Первый рубеж – естественные преграды и подконтрольная зона у подножия. Второй – мощная крепостная стена (гув) с единственными, тщательно охраняемыми воротами, часто имевшими форму узкого, изогнутого коридора (захаба) для обстрела с флангов. Стена усиливалась боевыми и сторожевыми башнями по углам и на протяжённых участках. Третий рубеж – внутренние перегородки и баррикады внутри самого комплекса, позволявшие оборонять его по частям. И, наконец, четвёртый – главная башня. Четвёртый принцип – *функциональное зонирование внутри*

периметра. Жилые зоны знати располагались в наиболее защищённых и престижных местах (часто рядом с донжоном), хозяйственные постройки – ближе к воротам или на менее удобных участках. Обязательным элементом была небольшая площадь или двор для сборов и распределения ресурсов. Пятый принцип – *автаркия (самодостаточность)*. Комплекс должен был выдерживать длительную осаду, поэтому внутри периметра обязательно существовал собственный источник воды (колодец, цистерна для сбора дождевой воды) и значительные запасы продовольствия и вооружения. Таким образом, архитектура замка представляла собой логическое завершение тенденции к концентрации, специализации и иерархии, наметившейся ещё в эволюции отдельных типов башен.

4.2. Социально-экономический контекст возникновения (XIV–XVI вв.)

Возникновение и распространение замковых комплексов в XIV–XVI веках не было случайным архитектурным трендом. Оно стало прямым следствием глубинных изменений в социально-экономической структуре вайнахских обществ. Этот период характеризуется постепенным разложением классического тейпового строя с его относительным равенством и коллективизмом. Развитие отгонного скотоводства, террасного земледелия, ремёсел (особенно металлообработки и оружейного дела) и оживление транскавказских торговых путей вели к накоплению богатства не в рамках всего тейпа, а в руках отдельных наиболее удачливых и предприимчивых семей. Возникла прослойка зажиточной знати – эли, узденей, которые стремились закрепить и защитить свой статус. Имущественное неравенство начало перерастать в социальное. Замок (гІап) стал материальным выражением этого процесса. Он был одновременно:

1) *Крепостью*, защищавшей накопленные богатства (скот, зерно, оружие, металлы) от соседей и внешних врагов.

2) *Резиденцией и административным центром* локального правителя, откуда он осуществлял управление окружающими землями, собирал подати (натурой или службой), вершил суд.

3) *Символом престижа и власти*, зримо демонстрировавшим силу и состоятельность рода. Часто такие замки контролировали не только земли, но и стратегически важные объекты: горные перевалы, мосты, источники соли, металлургические центры. Их строительство требовало колоссальных ресурсов – труда десятков людей в течение многих лет, что было под силу только богатому и влиятельному заказчику. Вокруг замка формировалась новая социальная ткань: появлялись зависимые или находящиеся под покровительством семьи, ремесленники, обслуживавшие комплекс, военная дружина владельца. Таким образом, замок становился точкой кристаллизации раннефеодальных отношений, вокруг которой постепенно перестраивалась традиционная общинная структура. Его появление знаменовало переход от горизонтальной, родовой организации общества к вертикальной, иерархической, где ключевую роль начинала играть не только родовая принадлежность, но и личная мощь, экономические ресурсы и военная сила отдельного клана или семьи.

4.3. Исторический фон: последствия нашествий и внутренние миграции

Бурное строительство замков и цитаделей в указанный период было также прямым ответом на чрезвычайно сложную и турбулентную внешнеполитическую обстановку, которая, в свою очередь, провоцировала масштабные внутренние миграции. XIV–XVI века – это эпоха череды катастрофических потрясений для всего Кавказа. Чудовищное нашествие Тимура (Тамерлана) в конце XIV века, методично разрушавшего горные районы и истреблявшего непокорное население, нанесло колоссальный удар по традиционному укладу. Выжившие общины были вынуждены искать новые,

более безопасные места для жизни, спускаться из открытых высокогорий в более защищённые боковые ущелья или, наоборот, укреплять свои старые поселения до уровня цитаделей. Волны миграции, вызванные тимуровским разгромом, дестабилизировали расселение, обостряя борьбу за земли и ресурсы между разными обществами. Вслед за Тимуром последовала эпоха противостояния двух мусульманских империй – Османской Турции и Сефевидского Ирана, которые боролись за влияние на Кавказе. Хотя прямого контроля над вайнахскими горцами они часто не имели, их периодические походы, набеги союзных им феодалов (кабардинских, дагестанских) и общая атмосфера нестабильности сохраняли высокий уровень военной угрозы. В этих условиях отдельная боевая башня уже не могла гарантировать безопасность целого общества. Требовались укрепления нового типа, способные вместить и защитить не одну семью, а сотни людей со всем их скарбом и скотом. Так возникали крупные цитадели-поселения, такие как Эгикал, Таргим, Хамхи в Ингушетии или Мошни, Хой в Чечне. Это были настоящие укрепленные города, где жилые башни теснились внутри мощных общих стен, образуя лабиринты узких улочек и переходов. Исторический фон нашествий и миграций создавал двойной стимул: во-первых, потребность в максимально сильных укреплениях для выживания; во-вторых, потребность новой знати, выдвинувшейся в эти смутные времена, закрепить за собой контроль над уцелевшими или вновь освоенными территориями. Замок и цитадель становились инструментами не только обороны, но и консолидации разрозненных и перемещённых групп населения под властью сильного лидера или совета старейшин. Они были ответом на вызов эпохи, превратившей Кавказ в перманентное военное поле, и одновременно механизмом формирования новой политической реальности на основе территориального, а не только кровнородственного принципа.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Замковые комплексы (гІап/галан) и цитадели стали закономерным и высшим этапом развития вайнахской оборонительной архитектуры, ознаменовав переход от тактики обороны отдельного дома к стратегии контроля над территорией. Их архитектура, основанная на принципах доминирования над рельефом, иерархической композиции, эшелонированной обороны и функционального зонирования, представляла собой качественный скачок в градостроительном и фортификационном мышлении. Возникновение этих сооружений в период XIV–XVI веков было напрямую связано с глубинными социально-экономическими переменами: разложением родового строя, накоплением богатств, зарождением феодальных отношений и появлением прослойки знати, нуждавшейся в укрепленных резиденциях для защиты своего статуса, имущества и управления зависимым населением. Этот внутренний процесс был резко ускорен и обострен сложнейшим историческим фоном эпохи – катастрофическими нашествиями (особенно Тимура), последующими внутренними миграциями и постоянной угрозой со стороны внешних сил. Замки и цитадели стали ответом на вызов времени, предоставив форму для консолидации общества в условиях перманентной опасности и инструмент для утверждения новой, территориально-иерархической власти. Они были не просто крепостями, а центрами зарождающейся государственности, узлами социальной, экономической и военной жизни. Таким образом, изучение этих комплексов позволяет увидеть в камне не только эволюцию строительного мастерства, но и драматическую историю трансформации целого общества на одном из ключевых этапов его становления.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. Сформулируйте основные архитектурные принципы, лежащие в основе планировки и строительства замкового комплекса (ZJan/галан). Чем эти принципы отличаются от принципов строительства отдельно стоящей башни?

2. Объясните, как феномен замка связан с процессами социальной стратификации в вайнахских обществах XIV–XVI веков. Какие новые социальные роли и функции он воплощал по сравнению с родовой боевой башней (бЮв)?

3. Проанализируйте взаимосвязь между развитием экономики (скотоводство, земледелие, ремёсла, торговля) и появлением замковых комплексов. Почему именно накопление богатства стало ключевым фактором для их строительства?

4. Какое влияние оказали масштабные исторические катастрофы (в частности, нашествие Тимура) на процессы градостроительства и фортификации в горных районах Кавказа? Как они стимулировали появление крупных цитаделей-поселений?

5. Сравните функции и архитектурный облик отдельного замка-резиденции (например, Никарой) и крупной цитадели-поселения (например, Эгикал). В чём их принципиальное различие с точки зрения социальной организации и оборонительной логики?

6. Как система эшелонированной обороны, реализованная в замках, повышала их устойчивость к осаде по сравнению с обороной отдельно стоящей башни? Приведите примеры конкретных фортификационных решений.

7. Рассмотрите феномен внутренних миграций как фактор возникновения новых укреплённых центров. Почему переселенческим группам было необходимо создавать столь мощные цитадели на новых местах?

Лекция 5. БАШНИ, ВСТРОЕННЫЕ В СКАЛЬНЫЕ НИШИ:

АДАПТАЦИЯ К ЛАНДШАФТУ

Вершиной симбиоза природной среды и человеческого гения в кавказском башенном зодчестве являются уникальные сооружения, буквально сросшиеся со скалой – башни, встроенные в естественные скальные ниши, гроты или нависающие карнизы. Эти постройки, наиболее яркими примерами которых служат знаменитые башни у селений Ушкалой в Чечне и Моцарой в Ингушетии, представляют особый, экстремальный случай адаптации архитектуры к ландшафту. Они демонстрируют не просто размещение на сложном рельефе, а тотальное подчинение формы и функции природному контексту, когда сама скала становится несущим и защитным элементом конструкции. Такие башни возникали в особых географических и исторических условиях, где традиционные приёмы строительства свободно стоящей башни были невозможны или неэффективны. Их изучение выводит нас за рамки стандартной типологии (жилая/боевая/полубоевая) и заставляет говорить о специализированных, узкоадаптированных сооружениях, чьё назначение до сих пор является предметом научных дискуссий. Являлись ли они сторожевыми и сигнальными пунктами на стратегических тропах, последними убежищами для небольших групп, тайными хранилищами или культовыми объектами? Ответ на этот вопрос кроется в детальном анализе их расположения, конструкции и исторического контекста. Башни-«ласточкины гнёзда» Кавказа – это не просто архитектурная экзотика, а предельно рациональное и экономное решение в условиях дефицита пространства, строительных материалов и постоянной угрозы, воплощение принципа максимальной эффективности при минимальных затратах, доведённого до своего логического предела.

5.1. Архитектурная типология и функциональное назначение

Башни, встроенные в скальные ниши, образуют особую типологическую группу, критерием выделения которой является не столько функция (которая

может варьироваться), сколько специфический конструктивный принцип – использование естественной скальной полости или навеса в качестве задней и/или боковых стен, а также частично потолка и пола сооружения. В пределах этой группы можно выделить несколько подтипов, различающихся по степени интеграции со скалой и архитектурному облику.

Первый подтип – башни, полностью укрытые в глубоком гроте или пещере. Их фасадная часть, часто имеющая классические формы (прямоугольный или арочный вход, бойницы), возводилась на краю грота, а задняя и боковые стены представляли собой обработанную поверхность скалы. Такой тип обеспечивал абсолютную защиту с тыла и флангов, а также от непогоды.

Второй подтип – башни, построенные под нависающим скальным карнизом (козырьком). Здесь скала служит крышей и частично задней стеной, а каменная кладка формирует остальные стены и фасад. Это наиболее эффектные, «парящие» сооружения.

Третий подтип – башни, пристроенные к вертикальной скальной стене, использующие её как одну из боковых, или заднюю стену. Функциональное назначение этих построек является комплексным и, скорее всего, комбинированным.

Во-первых, сторожевая и сигнальная функция представляется наиболее очевидной. Места для таких башен выбирались не случайно: они, как правило, контролируют узкие участки ущелий, горные перевалы, тропы вдоль рек, входы в боковые ответвления. С высоты такого пункта открывается превосходный обзор, а малочисленному гарнизону не нужно было оборонять сооружение со всех сторон, что позволяло минимизировать численность дозора. Сигнальный огонь или дым из такого укрытия был хорошо виден и защищён от ветра.

Во-вторых, функция убежища (схрона). Небольшие размеры многих таких башен (часто одно- или двухэтажные), сложность доступа и естественная маскировка делали их идеальными тайниками для ценностей или укрытиями для членов семьи (стариков, детей, раненых) на время внезапной опасности, пока основные силы оборонялись в крупных башнях поселения.

В-третьих, хозяйственная функция. Некоторые из башен могли служить сезонными жилищами пастухов или охраняемыми складами.

В-четвёртых, возможно, культовая или мемориальная функция, связанная с особым, сакральным восприятием скал и пещер. Таким образом, мы имеем дело с многофункциональными сооружениями, где доминирующая функция определялась конкретными условиями места и потребностями общины, их построившей. Их архитектурная форма была предельно утилитарна и полностью подчинена логике ландшафта.

5.2. Конструктивные решения на примере башен Ушкалой и Моцарой

Классическими и наиболее изученными образцами этого типа являются башни у Ушкалоя (Чечня, Аргунское ущелье) и в окрестностях Моцарой (Ингушетия, Джейрахский район). Их анализ позволяет в деталях рассмотреть уникальные конструктивные решения.

Ушкалойские башни (их несколько, наиболее известна восточная, стоящая на левом берегу Аргуна) представляют собой яркий пример подтипа, построенного под нависающим скальным карнизом. Многоэтажная (ныне четырёхэтажная, изначально, видимо, пятиэтажная) башня прилеплена к почти вертикальной скальной стене. Её конструкция гениально проста и эффективна. Задняя стена башни – это сама скала, которую, вероятно, слегка выровняли. Три остальные стены (фронтальная и две боковые) выложены традиционной двухрядной кладкой из тщательно отёсанного камня на известковом растворе.

Кровлей служит мощный скальный козырёк, который защищает постройку от осадков и камнепадов сверху. Это кардинально меняет архитектурную логику: нет необходимости в сложном ступенчатом завершении или машикулях, так как атака сверху исключена. Вход, как и положено, расположен на втором этаже со стороны обрыва, куда, по-видимому, вёл подвесной мостик или приставная лестница с соседнего уступа. Бойницы ориентированы вперёд и в стороны, обеспечивая обстрел тропы вдоль реки и противоположного склона. Конструкция демонстрирует фантастическую экономию: вместо четырёх стен строители возвели только три, вместо сложной кровли – использовали естественный навес. Это не только сокращало затраты, но и делало башню практически неуязвимой для обстрела и штурма с тыла и сверху.

Башня у селения Моцарой (часто называемая «Магас-Эрк» или «Берс-Экк») представляет собой несколько иное решение. Она встроена в глубокую скальную нишу (грот) на крутом склоне. Фасад башни, сложенный из аккуратного плитняка, полностью закрывает вход в грот, оставляя лишь дверной проём и бойницы. По сути, это каменная «пробка» в естественной пещере. Скальные стены грота служат боковыми и задней стенами, а свод грота – потолком. Это создавало внутри уникальное, хорошо защищённое пространство, которое могло использоваться и как убежище, и как наблюдательный пункт. Особенностью Моцаройской башни является также её малозаметность: с дальних дистанций она сливается со скалой, что усиливает её функцию тайного укрытия. Конструктивно обе башни показывают, как строители, обладая глубоким пониманием статики и свойств материала, превращали недостатки ландшафта (отвесные скалы, отсутствие площадок) в ключевые преимущества обороны. Отсутствие необходимости в фундаменте, как таковом (основанием служит пол грота или узкий скальный выступ), и использование скалы в качестве несущей конструкции радикально повышало устойчивость и долговечность постройки. Эти сооружения – чистый пример биотектоники, где природа и архитектура образуют неразрывный симбиоз.

5.3. Дискуссия о функциях: убежище, сторожевая или сигнальная башня?

Функциональное назначение башен в скальных нишах остаётся предметом оживлённой научной дискуссии, и единого мнения здесь нет. Сторонники *сторожевой и сигнальной гипотезы* делают акцент на их расположении. И Ушкалой, и Моцарой контролируют важные отрезки исторических путей. Ушкалойские башни «запирали» узкую часть Аргунского ущелья, одной из главных транскавказских магистралей. С их позиций можно было заранее увидеть приближающийся караван или отряд и передать сигнал вглубь гор. Небольшой гарнизон (2-4 человека) мог эффективно выполнять эту задачу, имея надёжное укрытие. Сигнальный огонь, разведённый на крыше или у входа, был бы прекрасно виден в узкой теснине ущелья. *Сторонники гипотезы об убежище (схроне)* обращают внимание на их оборонительные качества и относительную тесноту внутренних помещений. Башня в скале – идеальное место для сохранения ценностей (например, зерна, оружия, металлических изделий) или для укрытия небоеспособных членов общины во время внезапного рейда. Их сложность доступа (подвесные лестницы, узкие тропы) и маскировка работали именно на эту функцию. В мирное время такие башни могли пустовать. *Компромиссная точка зрения* представляется наиболее обоснованной. Вероятно, эти сооружения были многофункциональными, а доминирование той или иной функции могло меняться со временем или зависеть от конкретной башни. Одна и та же постройка могла служить: **а)** постоянным или сменным сторожевым постом, контролирующим путь; **б)** узлом сигнальной системы, передающим сообщения дальше вглубь гор; **в)** аварийным убежищем-складом для ближайшего небольшого поселения или пастушьей стоянки.

Их ключевым преимуществом была именно *адаптивность и экономичность*. Они не требовали для строительства большой команды и огромных ресурсов, но при этом значительно повышали обороноспособность и

контроль над территорией. Их нельзя рассматривать в отрыве от общей системы расселения и обороны: они были её периферийными, но критически важными элементами, «часовыми» на дальних подступах к основным жилым и замковым комплексам. Таким образом, дискуссия о функциях лишь подчёркивает уникальность этого типа, не вписывающегося в жёсткие рамки классификаций и требующего контекстуального анализа каждого конкретного памятника.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Башни, встроенные в скальные ниши, представляют собой уникальный феномен предельной адаптации архитектурной формы к экстремальным условиям ландшафта. Они демонстрируют высочайшую степень рациональности и экономии в башенном зодчестве, когда естественные особенности рельефа (гроты, карнизы, ниши) активно включаются в конструкцию, становясь несущими и защитными элементами. Архитектурная типология таких построек варьируется от полностью скрытых в пещерах до «парящих» под скальными козырьками, но все они объединены принципом симбиоза с природой. Конструктивные решения, блестяще реализованные в башнях Ушкалой и Моцарой, показывают, как мастер-«тов», отказываясь от возведения одной или нескольких стен и кровли, не только сокращал затраты, но и создавал практически неуязвимые с тыла и сверху укрепления. Функциональное назначение этих сооружений, будучи предметом научных споров, скорее всего, было комплексным и включало в себя сторожевую, сигнальную функции, а также роль убежища и хранилища. Их расположение на ключевых транспортных артериях (как Ушкалой) или в труднодоступных боковых ущельях (как Моцарой) указывает на их роль в системе периферийной обороны и контроля над территорией. Эти башни были «глазами» и «аванпостами» более крупных поселений, позволяя минимизировать ресурсы на постоянную охрану дальних рубежей. Их изучение расширяет наше понимание многообразия и гибкости кавказской башенной традиции,

показывая, что она была не набором жёстких канонов, а живой системой, способной порождать экстраординарные, сугубо ситуативные решения в ответ на вызовы конкретной местности и исторического момента.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. *Сформулируйте основные критерии, позволяющие выделить башни, встроенные в скальные ниши, в особую архитектурную типологическую группу. Чем принцип их строительства коренным образом отличается от принципов возведения классических свободно стоящих башен?*

2. *Опишите и сравните конструктивные решения, реализованные в башнях Ушкалой и Моцарой. Как в каждом из этих случаев особенности конкретного ландшафта диктовали архитектурную форму и приёмы строительства?*

3. *Проанализируйте возможные функции башен в скальных нишах. Почему однозначное определение их назначения вызывает трудности у исследователей? Какие аргументы приводят сторонники сторожевой, сигнальной и убежищной гипотез?*

4. *Как экономический фактор (экономия материалов, времени, рабочей силы) мог влиять на выбор места и способа строительства таких башен? В чём заключается их конструктивная и ресурсная эффективность?*

5. *Рассмотрите башни Ушкалой и Моцарой в контексте системы расселения и обороны. Какую роль они могли играть в общей структуре контроля над территорией и коммуникациями своего региона?*

6. *Какие уникальные оборонительные преимущества давало строительство башни под скальным карнизом (как в Ушкалое) или внутри грота (как в Моцарое) по сравнению с обычной башней на открытом месте?*

7. *Можно ли считать башни в скальных нишах тупиковой ветвью эволюции башенного зодчества или, наоборот, её кульминацией в плане адаптации к среде? Обоснуйте свою точку зрения.*

Лекция 6. СИСТЕМА СТОРОЖЕВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ, ЗАМКОВ И БАШЕН. ВЕЛИКАЯ СИГНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Изучая отдельные башни и замки, невозможно в полной мере осознать масштаб и глубину военно-инженерной мысли народов Кавказа. Подлинным чудом и вершиной их стратегического мышления стала не разрозненная совокупность укреплений, а единая, глубоко эшелонированная и централизованно управляемая система обороны огромной территории – система сторожевых поселений, замков и башен, интегрированная в так называемую Великую сигнальную систему. Эта система, охватывавшая предгорные и горные районы Чечни, Ингушетии и сопредельных земель, представляла собой грандиозный и сложно организованный механизм, способный в кратчайшие сроки привести в состояние боевой готовности целые регионы. Её создание и функционирование было ответом не на локальные угрозы, а на стратегические вызовы: контроль над жизненно важными транскавказскими торговыми и военными путями (такими как путь по Аргунскому ущелью), защита от масштабных внешних вторжений, обеспечение безопасности внутренних миграций и экономического обмена. Эта система демонстрирует переход от тактики пассивной обороны отдельных родовых гнёзд к активной, упреждающей стратегии контроля над пространством. Её существование ставит перед исследователями фундаментальный вопрос: могла ли столь сложная и скоординированная инфраструктура возникнуть и функционировать в условиях традиционного общества, основанного на родоплеменных отношениях и военной демократии, или же её создание предполагает наличие элементов государственности, пусть и в зачаточной, специфической форме? Изучение этой системы позволяет увидеть горский социум не как конгломерат враждующих кланов, а как сложный организм, способный к коллективному стратегическому планированию и долгосрочной координации усилий ради общей безопасности.

6.1. Принципы организации обороны ключевых транспортных путей и перевалов

Сердцевиной всей оборонной системы являлись ключевые транспортные артерии, прежде всего – Аргунское ущелье и параллельные ему маршруты через перевалы Главного Кавказского хребта. Эти пути были не только «золотыми жилами» для транзитной торговли, но и потенциальными «воротами» для вражеских вторжений. Принципы их обороны были основаны на глубокой военно-географической логике и представляли собой классическую модель глубинной, эшелонированной обороны.

Первым принципом было *блокирование и контроль всех возможных входов*. На выходах из предгорий в узкие части ущелий возводились мощные замки-заставы, такие как Пхакоч (возле нынешнего Шатой), способные перекрыть путь крупному отряду.

Вторым принципом было *создание цепочек взаимоподдерживающих укреплений* вдоль всего маршрута. На каждом стратегически важном участке – на мысах, при слиянии рек, на узких участках троп – строились сторожевые башни (боевые или полубоевые), образующие зону сплошного визуального и огневого контроля. Расстояние между ними определялось прямой видимостью (обычно 2-5 км) и возможностью эффективной поддержки. Эти башни были не изолированы: они либо входили в состав небольших сторожевых поселений (как Хайбах, Цой-Педа), либо были связаны с более крупными аулами, расположенными на склонах выше пути.

Третий принцип – *использование естественных преград и создание искусственных*. Само ущелье с его скальными стенами и бурной рекой было естественным рвом. В наиболее узких местах могли возводиться дополнительные стены, преграждавшие путь, или же тропа нависала над обрывом, будучи уязвимой для обстрела с расположенных выше башен.

Четвёртый принцип – *организация тыловых баз и пунктов сбора*. В глубине боковых ущелий, в труднодоступных, но связанных с основной трассой местах, располагались крупные цитадели-поселения (Таргим, Эгикал, Хой). Они служили резервом, местами укрытия для населения с торгового пути, центрами снабжения и пунктами сбора ополчения в случае крупной угрозы. Таким образом, любой отряд, движущийся по такому пути, постоянно находился под наблюдением, на каждом шагу рисковал попасть под обстрел из укрытий и в итоге упирался в мощную крепость, штурмовать которую, имея у себя в тылу цепь враждебных укреплений, было бы безумием. Это делало крупномасштабное вторжение вглубь гор чрезвычайно затратным и рискованным предприятием.

6.2. Структура и логика функционирования сигнальной системы

Сами по себе укрепления были бы лишь статичной преградой. Их превращало в живую, реагирующую систему именно сигнальное сообщение. «Великая сигнальная система» была её нервной системой, обеспечивавшей мгновенную передачу информации на сотни километров. Её структура была гениально проста и потому надёжна. Основу составляла сеть *сигнальных пунктов*, располагавшихся на доминирующих высотах. В качестве таковых использовались: 1) Специальные сигнальные башни, лишённые жилых функций и имеющие удобные площадки на крыше для разведения костров. 2) Боевые и сторожевые башни на основных и боковых маршрутах. 3) Отдельные высокие точки с каменными основаниями для костров. Главное условие – прямая видимость между соседними пунктами. Логика функционирования была основана на *передаче сигнала по цепочке*. При обнаружении опасности (вражеский отряд, пожар, иная угроза) на первом пункте зажигался сигнальный костёр или отправлялся столб дыма (для дымовых сигналов использовались специальные смеси влажных листьев и хвои, дававшие густой белый дым). Дозорный на следующем, увидев сигнал, немедленно зажигал свой костёр, и так далее. Скорость распространения сигнала ограничивалась лишь скоростью

человеческой реакции и разгорания пламени, что позволяло за считанные часы оповестить всю горную страну от предгорий до высокогорных пастбищ. Система могла быть и дифференцированной. Существовали коды: один костёр мог означать приближение небольшого отряда или локальную угрозу, требующую готовности ближайших аулов; два костра – вторжение значительных сил; три костра – чрезвычайную, общую опасность, требующую тотальной мобилизации всех боеспособных мужчин. Ночью использовался открытый огонь, днём – дым, а в солнечную погоду возможны были и зеркальные сигналы (гелиографы) с использованием отполированных медных щитов. Эта система делала внезапное нападение практически невозможным, позволяла оперативно стягивать силы к угрожаемому участку и, что немаловажно, обеспечивала безопасность внутренних коммуникаций и скоординированность действий разрозненных общин в мирное время.

6.3. Государственное начало как необходимое условие создания единой системы

Создание и поддержание в рабочем состоянии столь масштабной и сложной инфраструктуры – сети дорог (троп), сотен укреплений и сигнальных пунктов – ставит перед историками сложный вопрос о необходимом уровне социально-политической организации. Могло ли это быть делом исключительно добровольного соглашения конгломерата независимых тейпов и обществ? Анализ подсказывает, что для этого требовалось некое государственное начало, пусть и в специфической, «горской» форме.

Во-первых, необходима была *централизованная воля и координация*. Планирование системы, определение мест для ключевых крепостей-застав, организация строительства на стратегически важных, но, возможно, никому конкретно не принадлежащих участках (перевалах, входах в ущелья) – всё это требовало наднародного, надтейпового органа власти или согласия. Эту роль могли выполнять *советы старейшин (мехк-кхел) наиболее влиятельных и*

крупных тейпов или территориальных союзов (шахаров), обладавшие моральным авторитетом для принятия общезначимых решений.

Во-вторых, требовались *ресурсы и мобилизация*. Содержание дозорных на отдалённых постах, ремонт укреплений, обеспечение сигнальных пунктов топливом – всё это ложилось бременем на общество и должно было как-то распределяться и контролироваться. Это предполагает существование каких-то форм *общественной повинности или налога* (натурой – зерном, скотом, трудом), что уже является признаком зарождающейся государственности.

В-третьих, необходима была *единая дисциплина и беспрекословное подчинение правилам*. Сигнальная система работала только при условии, что каждый дозорный на своём посту бдителен и незамедлительно передаёт сигнал. Нарушение этого правила (заснул, покинул пост) ставило под угрозу жизни тысяч людей. Поддержание такой дисциплины в масштабах страны требует развитого *общественного контроля и механизмов принуждения к исполнению общественной обязанности*.

В-четвёртых, сама система создавалась для защиты не только отдельных сёл, но и общей территории и общего экономического интереса (торгового пути). Это уже признак формирования протогосударственного политического образования с общей территорией и общими стратегическими целями. Таким образом, Великая сигнальная система и сопутствующая ей фортификационная инфраструктура являлись не следствием, а одновременно и инструментом, и материальным свидетельством процессов *политогенеза*. Они демонстрируют, что общества Центрального Кавказа в позднем средневековье перешагнули порог чисто родоплеменной организации и создали эффективные, хотя и не похожие на классические монархии, формы коллективного управления и обороны, в которых уже явно просматриваются зачатки государственных институтов.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Система сторожевых поселений, замков, башен и интегрированная в неё Великая сигнальная система представляют собой одно из наиболее впечатляющих достижений военно-инженерной и организационной мысли средневекового Кавказа. Это был не хаотичный набор укреплений, а глубоко продуманный, эшелонированный оборонительный комплекс, построенный на чётких принципах блокирования транспортных путей, взаимной поддержки укреплений и создания глубины обороны. Его ядром являлись ключевые транскавказские маршруты, контроль над которыми обеспечивал экономическое благополучие и военную безопасность. Сигнальная система, основанная на передаче огневых и дымовых сигналов по цепочке визуальной связи, выступала в роли нервной системы, обеспечивавшей невероятную по средневековым меркам оперативность реагирования и превращавшей разрозненные общины в единый организм, способный к коллективным действиям. Создание и поддержание такой масштабной инфраструктуры было невозможным без определённого уровня политической консолидации и централизации управления. Оно свидетельствует о наличии в вайнахских обществах XIV–XVII веков элементов государственного начала: способности к стратегическому планированию в общественных интересах, мобилизации ресурсов, поддержанию общественной дисциплины и защите общей территории. Эта система была не просто оборонительным рубежом; она была материальным воплощением социального договора, сложившегося между свободными обществами горцев, их воли к коллективному выживанию и независимости, а также доказательством их способности к сложной, долгосрочной организации. Её изучение позволяет по-новому оценить уровень социально-политического развития народов Кавказа накануне Нового времени, увидев в них не изолированные «вольные общества», а элементы складывающейся горской цивилизации со своей уникальной формой протогосударственности.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. Раскройте основные принципы организации обороны ключевых транспортных путей (на примере Аргунского ущелья). Как сочетались естественные преграды и искусственные укрепления для создания эшелонированной системы?

2. Опишите структуру и логику работы Великой сигнальной системы. Какие технические средства использовались для передачи информации и как обеспечивалась её скорость и надёжность?

3. Проанализируйте взаимосвязь между фортификационными сооружениями (башни, замки) и сигнальными пунктами. Почему они были двумя сторонами одной системы?

4. В чём заключалось военно-стратегическое и экономическое значение контроля над такими путями, как Аргунское ущелье? Как это влияло на необходимость создания единой системы обороны?

5. Почему создание и поддержание столь масштабной системы невозможно объяснить исключительно инициативой отдельных тейпов? Какие аргументы свидетельствуют в пользу необходимости элементов государственного (или протогосударственного) управления?

6. Каковы могли быть механизмы финансирования, строительства и содержания общественных укреплений и сигнальных постов в условиях горского общества? Какую роль здесь могли играть советы старейшин (мехккхел)?

7. Сравните систему обороны Кавказа с аналогичными системами в других горных регионах мира (например, сигнальные системы инков или оборонительные линии в Альпах). В чём её уникальные черты?

8. Как, по вашему мнению, функционирование этой единой системы обороны и связи влияло на формирование общей идентичности у различных вайнахских обществ, живших в разных ущельях? Способствовало ли оно консолидации этноса?

Лекция 7. КУЛЬТОВЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Наряду с сугубо утилитарными и оборонительными постройками, материальная культура народов Центрального Кавказа создала не менее впечатляющий пласт сакральной архитектуры – культовые и погребальные сооружения. Если башни и замки воплощали идеи воинской доблести, социального статуса и земной безопасности, то храмы, святилища и склепы были материальным выражением космологических представлений, культа предков и сложной системы взаимоотношений человека с потусторонними силами. Эти постройки, часто демонстрирующие высочайшее мастерство каменной кладки и тонкое чувство формы, позволяют заглянуть в духовный мир горцев, остающийся за пределами военных хроник и описаний быта. Их изучение осложняется двумя факторами: во-первых, активным процессом христианизации в эпоху раннего и развитого средневековья (X-XIII вв.) под влиянием Грузии, а затем – исламизацией, начавшейся в XVI-XVIII вв. и приведшей к переосмыслению или забвению многих доисламских культов; во-вторых, уязвимостью этих памятников, часто не имевших постоянной охраны и становившихся жертвами вандализма или разбора на стройматериалы. Тем не менее, сохранившиеся храмы, святилища и огромные «города мёртвых» (некрополи) являются бесценным источником для реконструкции религиозных воззрений, социальной организации и представлений о загробной жизни. Они демонстрируют удивительный синтез местных языческих традиций, христианской символики и строительных технологий, а их эволюция и последующая деградация форм красноречиво свидетельствуют о глубинных культурных и исторических трансформациях, пережитых регионом.

7.1. Классификация культовых сооружений: храмы, святилища, сиелинги

Культовая архитектура вайнахов не была однородной и отражала иерархию сакральных мест и практик. Высшую ступень занимали христианские храмы, строившиеся в период влияния Грузинского царства (особенно в X-XIII вв.). Это, как правило, небольшие однонефные (зальные) или одноапсидные базилики, часто с притвором. Для них характерны строгие пропорции, качественная тёсаная кладка, использование арочных конструкций и резного декора (кресты, плетёнки, иногда греческие или грузинские надписи). Яркие примеры – храм Тхаба-Ерды в Ингушетии (сложный архитектурный гибрид, возможно, первоначально языческое святилище, позже перестроенное в христианский храм) и храм Алби-Ерды. Эти постройки были центрами официального культа и, вероятно, связаны с миссионерской деятельностью и политическим влиянием Грузии. Более массовым и архаичным типом были языческие святилища (сиелинги/эльгацы). Они посвящались конкретным божествам или духам (погоды, гор, охоты, плодородия) и могли иметь разную форму: от простых каменных ящичков или оград без крыши до небольших, напоминающих жилые башни, строений с двускатной каменной кровлей и маленьким входом-лазом. Часто они строились у священных деревьев, родников или на горных вершинах. Внутри мог находиться жертвенный камень, рога принесённых в жертву животных, ритуальная посуда. Третьей, промежуточной категорией были погребально-культовые комплексы, где склепы (см. ниже) сочетались с небольшими молельными помещениями или стелами. Особый интерес представляют столпообразные святилища или стелы (чурты), которые могли быть как отдельно стоящими, так и вкомпонованными в стены склепов или святилищ. Они часто украшались солярными знаками, схематическими изображениями людей и животных, что роднит их с менгирами и кельтскими стелами. Эта классификация условна, так как многие памятники (как Тхаба-Ерды) могли менять функцию, а местные культы часто

синкретично вплетались в христианскую или позднее мусульманскую обрядность.

7.2. Эволюция и деградация архитектурных форм в позднем Средневековье

Архитектура культовых сооружений пережила сложную эволюцию, пик которой, как ни парадоксально, совпал с периодом строительства классических боевых башен (XIV-XVI вв.), но с заметной тенденцией к упрощению и деградации форм. Ранние христианские храмы (X-XII вв.) демонстрируют высокие стандарты, вероятно, при участии или под влиянием грузинских мастеров. Они имеют чёткие планы, сложные перекрытия (своды, купола на трюпах, как в Тхаба-Ерды), резной декор. Однако после монгольских нашествий и ослабления Грузии в XIII-XIV вв., прямые культурные связи ослабевают. Начинается период автохтонного развития, когда местные строители («тов»), достигшие невероятного мастерства в фортификации, начинают возводить и культовые постройки, применяя те же приёмы (двухрядная кладка, пирамидально-ступенчатые покрытия), но в упрощённом виде. Храмы и святилища позднего средневековья (XIV-XVII вв.) становятся меньше, аскетичнее. Исчезают сложные своды, их заменяют плоские или простые двускатные каменные крыши. Резной декор грузинского типа сменяется более примитивной геометрической и солярной символикой. Это можно трактовать не как упадок мастерства, а как архаизацию и адаптацию: официальное, привнесённое христианство теряет поддержку централизованной власти и «обрастает» местными, языческими формами, а мастерство перенаправляется на жизненно важное оборонное строительство. К XVII-XVIII векам, в условиях исламизации и непрекращающихся войн, строительство монументальных каменных христианских или языческих святилищ практически прекращается. Новые мусульманские культовые места (зийараты) часто занимали старые святилища или были представлены скромными постройками. Таким образом, эволюция культовой архитектуры шла от

сложных, «импортированных» форм к упрощённым, локальным, а затем и к почти полному исчезновению монументальной традиции, что отражает общую политическую и культурную изоляцию региона в позднем средневековье.

7.3. Типология погребальных сооружений: подземные, полуподземные и наземные склепы

Погребальная архитектура, напротив, демонстрирует необычайную устойчивость и развитие вплоть до XIX века. Она чётко подразделяется на три основных типа, отражающих не только хронологию, но и социальные, а возможно, и климатические факторы.

Подземные склепы (каш) – наиболее древний тип, восходящий, вероятно, к ямным погребениям. Это вырубленные в грунте или мягкой породе камеры, перекрытые каменными плитами. Они малозаметны на поверхности и, видимо, были связаны с наиболее архаичными формами культа предков.

Полуподземные склепы – переходная форма. Их нижняя часть углублена в землю или склон, а верхняя, наземная, сложена из камня в виде невысокого прямоугольного сооружения с плоской или слабоскатной крышей. Доступ в погребальную камеру осуществлялся через специальный лаз в крыше или боковой стене, который закладывался камнем после каждого захоронения.

Наземные склепы (малх каш/«солнечные могилы») – вершина развития типа, получившая массовое распространение в XV-XVIII веках. Это настоящие миниатюрные дома мёртвых, сложенные на поверхности земли из тёсаного камня. Они имеют один, два, а иногда и три этажа. Формы разнообразны: прямоугольные с двускатной ступенчатой крышей (напоминающие жилище), квадратные с пирамидально-ступенчатым покрытием (напоминающие башню в миниатюре) и, наиболее распространённые, – прямоугольные с плоской или слабоскатной крышей. Вход – всегда с южной стороны, часто оформленный в виде арочной или прямоугольной ниши с ложным сводом. Внутри устраивались

деревянные или каменные полки-лотки для размещения тел. Наземные склепы отражают идею «дома предков», где род продолжает своё символическое существование. Их строительство было дорогим и почётным делом, а внешний вид, качество кладки и декор (резные солярные знаки, кресты, антропоморфные стелы) свидетельствовали о статусе рода. Распространение именно наземных склепов в позднем средневековье связывают как с влиянием башенной архитектуры, так и с изменением погребального обряда (возможно, под влиянием христианских или иных представлений о достойном «жилище» для умерших).

7.4. Крупнейшие некрополи (Васеркел, Цой-Педе) и их значение

Наиболее грандиозными памятниками погребального культа являются обширные некрополи – настоящие «города мёртвых», в которых склепы плотно группируются на специально отведённых склонах. Два самых известных комплекса – Цой-Педе (Чечня, Малхиста) и Васеркел/Вовнушки (Ингушетия, Джейрах). Цой-Педе («Поселение божества») – это не просто кладбище, а сложный религиозный центр, сочетающий сотни наземных склепов различных типов, руины боевых и жилых башен, и, вероятно, святилищ. Он расположен в труднодоступном ущелье, что подчёркивает его сакральную изолированность. Некрополь служил общим местом захоронения для нескольких окрестных тейпов на протяжении многих поколений. Его масштаб и планировка (склепы часто стоят рядами или группами) говорят о чёткой организации пространства и, возможно, о существовании жреческой касты или особых правил погребения. Васеркел (в комплексе с крепостью Вовнушки) демонстрирует иной принцип: здесь склепы расположены у подножия и на подступах к грозным боевым башням. Это символически связывает живых защитников с их предками, как бы ставя крепость под их покровительство. Некрополи имели колоссальное значение. Во-первых, они были материальным архивом рода, где каждое захоронение и каждый склеп фиксировали историю семьи. Во-вторых, они выполняли функцию социальной и территориальной маркировки: крупный

некрополь обозначал земли, принадлежащие и охраняемые данным обществом. В-третьих, это были активные культовые центры, где регулярно проводились поминальные обряды, жертвоприношения, собирались на совет старейшины. Таким образом, «город мёртвых» был неотъемлемой и живой частью «города живых», обеспечивая символическую преемственность поколений и связь с потусторонним миром, от которого, по верованиям, напрямую зависело благополучие общины.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Культовые и погребальные сооружения народов Центрального Кавказа образуют второй, сакральный полюс их материальной культуры, уравновешивающий сугубо утилитарный мир башен и замков. Их классификация выявляет сложную структуру религиозных представлений, от официального христианства (храмы) через местные языческие культы (святилища-сиелинги) к глубоко укоренённому и развитому культу предков (склепы, некрополи). Эволюция культовой архитектуры показывает путь от относительно сложных, иноземных по образцу форм к упрощённым и архаизированным, что отражает ослабление внешних влияний (Грузии) и усиление местных традиций в позднем средневековье, а также переориентацию основных ресурсов на оборонное строительство. Напротив, погребальная архитектура демонстрирует поразительную витальность и развитие, достигнув вершины в виде наземных склепов-«домов предков», которые стали одной из самых характерных черт кавказского ландшафта. Крупнейшие некрополи, такие как Цой-Педе и Васеркел, были не просто кладбищами, а важнейшими социальными, территориальными и культовыми центрами, обеспечивавшими связь времён и легитимацию прав рода на землю. В совокупности эти памятники позволяют реконструировать не только религиозные обряды, но и глубинные пласты мировоззрения, социальной организации и исторической памяти горских обществ. Их сохранение так же важно, как и сохранение боевых

башен, ибо они хранят свидетельства о духовных истоках и представлениях о вечности народа, чья земная жизнь была столь сурова и насыщена борьбой.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ И АНАЛИЗА

1. Проведите сравнительный анализ христианских храмов (Тхаба-Ерды) и языческих святилищ (сиелингов) по их архитектурным особенностям, функциям и месту в религиозной жизни общества.

2. Как и почему изменялась архитектура культовых сооружений в позднем Средневековье (XIV-XVII вв.)? Чем можно объяснить упрощение форм и исчезновение сложного декора?

3. Опишите основные типы погребальных сооружений (подземные, полуподземные, наземные склепы). Какие факторы (религиозные, социальные, климатические, технологические) могли определять эволюцию от одного типа к другому?

4. В чём заключалось символическое и функциональное сходство наземного склепа с жилой башней (Гала)? О чём свидетельствует эта архитектурная параллель?

5. Проанализируйте феномен крупных некрополей (Цой-Педе, Васеркел) как сложных историко-культурных комплексов. Какие функции, помимо собственно погребальной, они выполняли?

6. Как расположение некрополей относительно поселений и крепостей (как в случае Васеркел-Вовнушки) отражает представления о связи между мирами живых и мёртвых?

7. Какое влияние процессы христианизации и последующей исламизации оказали на традицию строительства монументальных каменных склепов? Почему эта традиция оказалась более устойчивой, чем традиция строительства языческих святилищ?

8. Как изучение погребального инвентаря (если бы он сохранился) и архитектуры склепов могло бы дополнить наши знания о социальной стратификации в вайнахских обществах позднего средневековья?

ГЛОССАРИЙ ТЕРМИНОВ

Аутентичность – подлинность памятника, сохранность его исторической субстанции (материала, конструкции, форм) без поздних искажений или фальсификаций.

Боевая башня (вов/бIов, воу) – узкоспециализированное оборонительное сооружение в горной зоне, предназначенное исключительно для ведения боя, наблюдения и сигнализации. Отличается большой высотой (20-30 м), строгим силуэтом с сильным завалом стен, отсутствием признаков постоянного жилья (очага).

Галуа (gIап/галан) – замковый комплекс, укрепленная резиденция феодального типа, объединяющая главную башню (донжон), жилые и хозяйственные постройки, окруженные крепостной стеной. Символизировал социальную стратификацию и власть.

ГIала – 1) В узком смысле: классическая жилая башня равнинных и предгорных районов, совмещающая функции жилища и крепости. 2) В широком смысле: укрепленное поселение, цитадель.

Донжон – главная, самая мощная башня в замковом комплексе, последнее убежище защитников и резиденция владельца.

Завал стен (супраструкция) – плавное или ступенчатое сужение стен башни кверху, придающее ей пирамидальный силуэт. Повышает устойчивость, снижает нагрузку на нижние ярусы, затрудняет штурм.

Зиярат – почитаемое мусульманское культовое место, часто связанное с могилой святого (эвлия). Нередко возникало на месте древних языческих святилищ.

Кенотáf – символическое, «пустое» погребальное сооружение, воздвигнутое в память об умершем, тело которого погребено в другом месте или не найдено.

Машикули – навесные бойницы, каменные консольные выступы в верхней части башни или стены с отверстиями в полу для вертикального обстрела противника у основания укрепления.

Мегалитическая архитектура – строительство из крупных каменных блоков без использования связующего раствора. К ней могут относиться древнейшие типы погребальных и культовых сооружений (дольмены, кромлехи), предшествовавшие башенной культуре.

Наземный склеп (малх каш) – позднесредневековое погребальное сооружение в виде каменного «домика» с одним или несколькими этажами, представляющее собой «дом предков». Имеет вход с южной стороны и полки для тел внутри.

Некрополь – крупный комплекс погребальных сооружений, «город мёртвых». Имел не только утилитарное, но и сакральное, социальное и территориально-маркирующее значение (Цой-Педе, Васеркел).

Очаг (кхерч/кур) – сакральный и бытовой центр жилой башни. Открытый огонь в очаге символизировал единство семьи и непрерывность рода, его культ был основой домашней религии.

Полубоевая башня – промежуточный тип сооружения, синтезирующий развитую фортификацию (как у боевой башни) с признаками постоянного жилья (камин, более удобная планировка). Часто служила резиденцией знати.

Святилище (сиелинг, эльгац) – языческое культовое сооружение, посвящённое конкретному божееству или духу. Могло иметь форму каменного ящика, ограды или небольшого дома.

Сигнальная система – организованная сеть пунктов (башен, специальных площадок), связанных прямой видимостью, для оперативной передачи сигналов (огнём, дымом, зеркалами) на большие расстояния. Костёр/дым.

Склеп (каш) – общее название для погребальных сооружений различных типов (подземных, полуподземных, наземных).

Солярный знак – символ солнца (круг с крестом внутри, спираль, колесо), один из самых распространённых мотивов декора на склепах и святилищах, связанный с культами плодородия и загробного мира.

Ступенчато-пирамидальное покрытие – характерное завершение боевых башен, наземных склепов и некоторых святилищ в виде уступами сужающейся кверху каменной пирамиды. Имело как конструктивное, так и символическое значение.

Тейп – родоплеменная структура у вайнахских народов, основа социальной организации в средневековый период. Строительство башен и замков часто было тейповым предприятием.

Тов – мастер-строитель, возводивший башни и сложные каменные сооружения. Обладал высоким социальным статусом и сакральными знаниями.

Храм (цIу) – христианское культовое сооружение, строившееся в X-XIII вв. под влиянием Грузии. Чаще всего однефная базилика с апсидой.

Цитадель – крупное укреплённое ядро поселения или самостоятельное укрепление, последний рубеж обороны для большого количества людей и ценностей.

ЭрдогIа/хьера – центральная опорная колонна в жилой башне, проходящая через все жилые этажи. Имела не только конструктивное, но и сакральное значение, символизируя «мировое древо» или ось семейного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Марковин, В. И. В стране вайнахов / В. И. Марковин. — Москва : Искусство, 1969. — 143 с.
2. Крупнов, Е. И. Средневековая Ингушетия / Е. И. Крупнов. — Москва : Наука, 1971. — 211 с.
3. Кодзоев, Н. Д. История ингушского народа / Н. Д. Кодзоев. — Магас : Сердало, 2002. — 328 с. — ISBN 5-98956-002-6.
4. Чахкиев, Д. Ю. Древности горной Ингушетии. Т. 1 / Д. Ю. Чахкиев. — Назрань : Пилигрим, 2003. — 232 с. — ISBN 5-98956-001-8.
5. Багаев, М. Х. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии / М. Х. Багаев. — Москва : Наука, 1988. — 198 с.
6. Албогачиева, М. С.-Г. Традиционные жилища ингушей: структура и семантика / М. С.-Г. Албогачиева. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2008. — 252 с. — ISBN 978-5-88431-144-5.
7. Иваненков, Н. С. Горная Ингушетия / Н. С. Иваненков. — Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1926. — 154 с.